

Посвящается Елене

Маркус Холл благодарит переводчика
Иннокентия Сергеева и всех сотрудников
издательства Academic Studies Press

Список иллюстраций

Илл. 1. Улучшение Земли. Джордж Перкинс Марш. (*Agriculture, Labourage, Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*, Paris, 1751–1772).

Илл. 2. Портрет Д. П. Марша, около 1870 года (Вермонтский университет).

Илл. 3. Замок Пьобези, расположенный неподалеку от Турина. Здесь в 1863 году Марш работал над книгой «Человек и природа».

Илл. 4. Титульный лист итальянского перевода книги «Человек и природа» (1864), “*L’Uomo e la Natura*” (1870).

Илл. 5. Джордж Перкинс Марш на вилле Арривабене. Флоренция, около 1870 года (из архивов Вермонтского университета).

Илл. 6. Карта водораздела Валь-Нерайсса, Италия.

Илл. 7. Вид на долину Стура из местечка Винадио (*Brockedon, Illustrations of the Passes of the Alps*, 1828–1829).

Илл. 8. Затопленная деревня в провинции Кунео, около 1900 года (*Di Tella. Il Bosco Contro il Torrente*).

Илл. 9. Строительство плотины в итальянских Альпах, около 1890 года (*Di Tella. Il Bosco Contro il Torrente*).

Илл. 10. Плотина, построенная Итальянским лесным корпусом в водоразделе долины Нерайсса над местечком Винадио, около 1900 года (ACFC).

Илл. 11. Фотографии долины Нерайсса: слева — в 1900 году, справа — в 1993 году (*Di Tella. Il Bosco Contro il Torrente*).

Илл. 12. Склон холма в долине Нерайсса, укрепленный с помощью подпорных стен и саженцев (*Di Tella. Il Bosco Contro il Torrente*).

Илл. 13. Фотографии долины Нерайсса: слева — 1900 год, справа — 1993 год (ACFC).

Илл. 14. Диаграмма *graticciata vivente*, живой стены, применяемой для стабилизации горных склонов (*Piano generale di bonifica montana comprensorio Valle Stura di Demonte*, 1961).

Илл. 15. Карта водораздела каньона Иффрием, Юта.

Илл. 16. Наводнение в округе Санпит, Юта, 1900-е годы (Издательство Департамента природных ресурсов штата Юта).

Илл. 17. Станция Грейт-Бейсин, 1930-е годы (Издательство Департамента природных ресурсов штата Юта).

Илл. 18. Артур Сэмпсон изучает образцы травы. Юта, около 1915 года (Издательство Департамента природных ресурсов штата Юта).

Илл. 19. Сбор семян в округе Санпит, Юта, 1938 год (USFSO).

Илл. 20. Контрольная система контурных траншей (R. Bailey and A. R. Croft. Progress Report. 1936. Davis County Watershed papers, USUA).

Илл. 21. Прокладывание контурных траншей на плато Уосатч, 1930-е годы (Издательство Департамента природных ресурсов штата Юта).

Илл. 22. Истощение и мелиорация природных ресурсов. (Whitaker J. R. World View of Destruction and Conservation of Natural Resources. 1940).

Илл. 23. О. Леопольд (в центре) посещает немецкий лес, 1935 год. Примечания на обратной стороне оригинальной фотографии гласят: «Форштмейстер Брам (справа) рассказывает американским лесничим о заповеднике Кольдиц, расположенном между Лейпцигом и Дрезденом. Лесной заповедник Кольдиц был передан под интенсивное лесопользование знаменитым доктором Коттой в 1822 году». Фотография представлена Обществом лесной истории города Дарем, штат Северная Каролина.

Илл. 24. Изображение фасции на плотине в долине Нерайсса.

Илл. 25. Производство древесного угля в Италии, около 1900 года (Serpieri, Il Bosco, il Pascolo, il Monte).

Илл. 26. Три разновидности реставрации.

Илл. 27. Шкала «пустошь — сад».

Илл. 28. Аббатство и Лесная школа Валломброзы в провинции Тоскана (Serpieri, Il Bosco, il Pascolo, il Monte).

Илл. 29. Сбор семян в округе Санпит штата Юта, 1960-е годы (UDWR).

Илл. 30. Борьба с эрозией и восстановление почвы в долине Стура. Провинция Кунео, 1995 год.

Список таблиц

1. Крупные наводнения в долине Стура, Италия.
2. Наводнения в долине Нерайсса, Италия, 1906–1913 годы.
3. Население долин Стура и Нерайсса, Италия.
4. Зафиксированные наводнения в округе Санпит, штат Юта, 1849–1913 годы.
5. Население округа Санпит, леса Манти и каньона Ифрием, штат Юта, 1849–1955 годы.

Предисловие

По мнению ученых-биологов, мы живем в эпоху самого стремительного массового вымирания живых организмов со времен динозавров. Уничтожение лесов и опустынивание приводят к тому, что все бóльшая часть поверхности нашей планеты покрывается бесплодными и заброшенными землями. Содержание углекислого газа в атмосфере растет, а количество пресной воды неумолимо иссякает. Этим неутешительным фактам бросают вызов биологи-реставраторы, которые стремятся не просто предотвратить ущерб, причиняемый природе, а обратить его вспять. Зоолог Э. Уилсон считает, что мы живем в эру экологической реставрации. Участники VI Всемирного конгресса дикой природы (World Wilderness Congress) в октябре 1998 года назвали XXI век веком восстановления Земли. Энтузиасты, такие как У. Джордан III, видят в экореставрации качественно новый уровень отношений между человечеством и природой. Парк Эверглейдс и устье залива Сан-Франциско — это лишь два примера недавних и наиболее дорогостоящих реставрационных работ. Но, кроме них, существует и множество других текущих проектов, таких как восстановление популяции атлантического лосося, возрождение птичьего миграционного маршрута над Тихим океаном, очистка Рейна и Восточно-Китайского моря, искоренение инвазивных видов на Галапагосе и в Новой Зеландии, высадка тропических лесов на Мадагаскаре, в Индонезии и Эквадоре, ревайлдинг североамериканских прерий. Призывы к реставрации сегодня звучат отовсюду.

В своей новой книге “The Restoration Economy” С. Каннингем перечисляет те замечательные перспективы, которые, по его

мнению, открывает перед бизнесом экореставрация. Каннингем прогнозирует, что вскоре у человечества вовсе не останется другого выбора, кроме как начать обширно инвестировать в восстановление загубленных и близких к исчезновению экосистем. Он советует инвесторам и предпринимателям начать присматриваться к экореставрации как к возможности обогатиться, при этом помогая Земле. Как гласит обложка книги, перед нами крупнейший, важнейший, все еще не задокументированный сектор современной экономики, в котором более 1 трлн \$ в год уже оседает в карманах организаций и частных лиц.

Конечно, Каннингем прав, если брать понятие «реставрация» в широком смысле этого слова. Оно может охватывать не только реабилитацию экосистем, но и экономическое переустройство целых стран или даже возврат к определенным духовно-нравственным положениям. Но если рассматривать понятие в узком смысле, чисто экологическом ключе, слово может иметь множество разных значений.

Конгресс США выделил 8 млрд \$ на реставрацию тропических болот парка Эверглейдс, при этом крупнейшая доля этих расходов должна пойти на установку новых канализационных систем. Кто-то мог бы ожидать от подобной инициативы участия полчищ эковолонтеров, которые засаживали бы болота манграми и запускали туда ламантинов. Но большая часть бюджета уходит на простое рытье каналов и прокладку труб. Разумеется, качественное водораспределение — это тоже важная часть будущего экосистемы парка Эверглейдс. Однако создается впечатление, что этот проект мало чем отличается от предыдущих, которые просто назывались по-другому: амелиорацией, биоинженерией или природопользованием. То, что Каннингем называет регенеративной экономикой, — это по большому счету совокупность всевозможных реставрационных практик, которые и так уже давно распространены, но под другими названиями. И все же нельзя утверждать, что сегодняшнее движение за экореставрацию — это просто попытка вернуться к старому в новой «обертке». Стоит помнить, что многие из тех практик, которые в прошлом назывались реставрацией, существенно отличаются от того, что по-

нимается под этим термином теперь. Как говорилось выше, экологическая реставрация — это обширное и сложное понятие. Реставрировать можно многое. Например, восстановлению могут подлежать целые популяции деревьев или рыб либо определенные качества видов, такие как здоровье или продуктивность. Целью реставрации могут быть отдельные редкие виды (вроде красного мангрового дерева или снежной цапли) или же целые совокупности биотических и абиотических элементов экосистемы водно-болотных угодий. Иногда реставрация рассматривается как процесс, а в других случаях — как самоцель. Некоторые реставраторы говорят, что лечат поврежденные экосистемы, другие — что восстанавливают здоровые. Те, кто называет своей целью просто воссоздание некоего первозданного облика природы, все только усложняют, так как природа — это капризная барышня, часто меняющая обличия или вовсе исчезающая из виду, стоит нам протянуть к ней руку. По моему опыту, два реставратора могут говорить одинаково, при этом преследовать абсолютно разные цели. Если мы действительно живем в эпоху экореставрации, нам просто необходимо лучше понимать суть этого явления.

Одна из главных целей этой книги заключается в том, чтобы доказать, что у экореставрации есть прошлое, поэтому абсолютно неверно представлять ее как некую относительно новую и современную форму природопользования, как делают некоторые. В разные времена существовали различные способы реставрации, которые менялись вместе с тем, как менялись человеческие знания об окружающем мире, предубеждения и даже мода. Еще более важно, что, раскрывая способы работы реставраторов прошлого, выявляя их успехи и неудачи, мы можем помочь работе современных реставраторов. Надеемся также, что это поможет профессионалам и будущим пользователям восстановленных земель быстрее найти общий язык. Экологи тратят много энергии на обсуждение другого модного в наши дни термина «устойчивость» (sustainability), но у нас нет никаких сомнений в том, что эти два направления тесно сплетены между собой. Реставрация — это механизм, через который воплощается экологическая устойчивость. Наша экономика, образ жизни, окружающие нас экоси-

стемы могут оставаться стабильными только благодаря непрерывным восстановительным процессам. И неважно, играем ли мы в них активную или пассивную роль.

Я специально оставляю некоторые термины открытыми для интерпретации, как это делали авторы, писавшие до меня. Так, в главах работы слово «ландшафт» может быть заменено на понятие «пейзаж», однако обычно под ландшафтом мы имеем в виду землю, культивированную человеческими руками, а не участок природы самой по себе, в отрыве от нас. Когда мы используем слово «сад», то обычно представляем себе небольшой участок земли, на котором выращиваются овощи или фрукты. Но садом можно назвать и хозяйственное пространство покрупнее: кукурузное поле или (в более абстрактном ключе) любое симпатичное и ухоженное место (например, как штатом садов прозвали Нью-Джерси). Иногда садами Европы называют Италию и Великобританию. Определенную неясность вносят слова, заимствованные из разных языков. Так, английское слово *landscape* происходит от немецкого слова *Landschaft*. Изначально этим словом обозначался сельский округ. Эквивалентные слова во французском, в испанском и итальянском языках (*paysage*, *paesaje* и *paesaggi*) происходят от латинского корня *pagus* («село»). На основании этого экскурса в этимологию можно заметить, что в романских языках понятие «пейзаж» связано с деревней и тем самым более очеловечено, чем в германских. Затруднительно подобрать в романских языках эквиваленты английским словам *wilderness* («дикая природа») и *wildlife* («дичь»). Итальянское слово *selvaggina* («дикие животные») имеет корень *selva* («лес»). Таким образом, для итальянцев олени, волки, кабаны и прочие животные — это не столько дичь, сколько жители леса. Эти тонкие различия в значениях слов дают ключ к пониманию того, почему американское понятие ревайлдинга может сильно отличаться от европейской ренатурализации.

В моих попытках разобраться в сути явления реставрации я могу прибегнуть к обобщениям, способным оскорбить некоторых читателей. Мой подход заключается в том, чтобы внимательно рассмотреть несколько ключевых примеров реставрации,

дабы понять, что они могут рассказать нам о более масштабных тенденциях. Хотя исторически реставрационные практики очень сильно различались как внутри отдельных стран, так и между ними, в них можно найти и определенные общие закономерности — вне зависимости от времени и места. Где возможно, я буду отмечать их. Иногда явление вполне можно обобщить как американское, а иногда его недостаточно сузить до итальянского, тосканского или даже флорентийского. Когда мы используем слово «лес», то можем иметь в виду как небольшую монокультуру ели, так и сложное «лоскутное одеяло» из множества различных деревьев, кустарников и полевых культур. Любое научное исследование содержит в себе определенный компромисс между обобщением и конкретикой, и я надеюсь, что в своем трансатлантическом подходе я смогу найти между ними устраивающий читателя баланс.

В этой книге мы будем постоянно возвращаться к двум дуальностям, таким как культивация и натурализация, создание и воссоздание. Экореставраторы занимаются (и занимались в прошлом) всем перечисленным выше. Кто-то ставит себе целью культивировать, «приручить» участок природных угодий, а кто-то хочет воссоздать определенный исторический ландшафт. Разница между подходами заключается в том, что культиваторы и натурализаторы участвуют в дискурсе человек — природа, а создатели и воссоздатели — в дискурсе прошлое — настоящее. Наши представления о месте человека в природе, чувство прошлого играют определяющую роль в разработке методов реставрации. Некоторые экореставраторы могут не иметь представления о связи своей деятельности с сельскохозяйственными практиками, ландшафтной архитектурой, сохранением исторических памятников или даже планированием развлекательных парков. Но эта связь присутствует!

Скорее всего, идея этой книги зародилась, когда я впервые столкнулся с защитной дамбой. Или, если быть точным, с тем огромным множеством защитных дамб, которыми заполнены Альпы. В моих родных краях, на западе США, горные реки также часто запруживаются в целях создания водохранилищ. Но вы не

найдете там грандиозной системы из множества огромных ступеней и порогов, спускающих воду по отвесным каменным стенам, сдерживающим осадочные породы. Когда я впервые увидел такие дамбы в итальянских Альпах, то сначала подумал, что их построили для борьбы с наводнениями или водной эрозией почв. Но теперь я знаю, что история их появления гораздо глубже.

Реставрация, Джордж Марш, Альпы и Скалистые горы... Чтобы свести это все, потребовалось многое: участие, вера и терпение разных людей. Пройдя путь от проекта диссертации до готовой рукописи, эта книга претерпела не одну метаморфозу в соответствии с предложениями, высказанными множеством невероятно талантливых людей. Мне очень повезло, и я очень признателен тому, что Билл Кронон с самого начала согласился оказать поддержку моему проекту. В своих советах Билл сочетает стратегический ум с простым человеческим пониманием, и его предложения спасли меня от пути по многим тупиковым направлениям (хотя в результате таких направлений хватило). Майк Адамс, Арне Аланен, Эл Боуг, Том Вэйл, Нэнси Лэнгстон и Фахрие Санкар — все они заслуживают особой благодарности за поддержку, добрые советы и мое окончание докторантуры. За пределами Висконсина Дэвид Ловенталь и Дональд Уорстер дали ключевые комментарии к черновикам рукописи, и благодаря им книга, которую вы держите в руках, сильно отличается от своей первоначальной версии. Джеймс Аронсон и четыре анонимных рецензента также ознакомились с ее черновиками и внесли предложения, показав глубокое понимание целей работы. Во время своих размышлений об экореставрации я многое почерпнул из разговоров с Биллом Джорданом, Майклом Коэном и Эриком Хитгсом. Эти люди посвятили работе огромное количество времени и усилий — не ради чаяний одного автора, но ради общего благого дела.

Считаю большой удачей то, что мои исследования дали мне возможность пообщаться с людьми из самых разных сфер деятельности: лесниками, фермерами, мэрами городов, учеными и работниками архивов. В США особой благодарности заслуживают Бен Беннион, Артур Дюрэнт, Черил Оукс и Ричард Сте-

венс — за то, что помогли мне увидеть некоторые места и найти нужные документы.

В Италии Андреа Джиордано, Франческо Лорето, Джианни Мортара, Джулиано Панкальди, Патриция Росси, Паола Серено и Алессандра Занси Сулли оказали мне теплое гостеприимство и внесли неоценимый вклад в мои исследования. Не могу не высказать благодарности Франко Галларотти, который до сих пор настаивает на том, что реставрация — это на самом деле про рестораны. Проживающие в Италии мои соотечественники-американцы Пол Брэй, Джейми Сьеверт, Джон и Рита Элдеры помогли мне взглянуть на Италию глазами экспатрианта.

Во время работы над этим проектом пришлось перевести немало авиационного керосина. На различных этапах моих исследований мне сильно помогли награды от Программы европейских исследований Висконсинского университета в Мадисоне, Института экологических исследований Висконсинского университета в Мадисоне, Фонда Фулбрайта, Общества истории леса и Фонда Глэдис Крибл Дельмас. Я также был удостоен докторской стипендии от Германского фонда Маршалла и премии Жана Монне от Европейского университетского института во Флоренции. Я подготовил большую часть финальной рукописи, будучи научным сотрудником Швейцарского федерального исследовательского института в Цюрихе. Я глубоко признателен за то, что все эти организации оказались заинтересованы в том, чтобы узнать больше о реставрации по другую сторону Атлантического океана.

За то, что они увидели ценность в моем довольно необычном проекте, я выражаю сердечную благодарность трудолюбивым сотрудникам издательства University of Virginia Press, а также Джорджу Томпсону из Center of American Places и моему редактору Кэтрин Крайник. Я добавлю, что основная часть третьей главы была адаптирована из более ранней статьи, озаглавленной “Repairing Mountains: Restoration, Ecology, and Wilderness in Twentieth-Century Utah” в Environmental History [Hall 2001]. Читатель может судить, удалось ли мне представить этот региональный пример в международной перспективе. *Zòccolo duro* этой книги — это, конечно, моя семья. Тем, кто далек от университет-

ских дел, трудно объяснить, чем мы, ученые, занимаемся по жизни. Даже несколько сотен страниц переплетенной бумаги кажутся неубедительным оправданием для недель и месяцев, проведенных вдали от дома. Мама и папа дали толчок моему делу, дедушка Лино и бабушка Сара поддержали его, а Олдо и Алекс, возможно, его завершат. Но настоящей попутчицей этой книги стала Елена. Она критиковала и хвалила ее, ненавидела и любила, и даже что-то из нее ей удалось прочитать. Эту книгу я посвящаю ей.

Вступление

За гранью консервации

Когда Папа Римский Иоанн Павел II увидел недавно отреставрированный «Страшный суд» Микеланджело в Сикстинской капелле, от изумления он чуть не упал. Торжественная месса в тот весенний день 1994 года была посвящена повторному открытию крупнейшей фрески капеллы после 14 лет кропотливых работ. Папа Римский объявил, что эти фрески были великолепным образом восстановлены мастерами-реставраторами, которые применили самые безопасные и передовые технологии. Под сводом храма, где туристов годами встречали металлические подмости и смрад растворителя, теперь раскинулась палитра розово-голубых тонов, призванных повторить изначальную цветовую гамму произведения. Так как за 500 лет шедевр Микеланджело полностью покрылся копотью от масляных ламп и значительно потускнел, было решено провести самую неоднозначную реставрационную работу века.

Хотя большинство экспертов и обывателей высоко оценивают реставрацию фресок Сикстинской капеллы, у нее есть и ярые противники. Так, профессор Колумбийского университета и художественный критик Д. Бек утверждает, что реставраторы убрали тени и испортили цвета. Назвав дореставрационные изображения Христа и Девы Марии высшими проявлениями западной культуры, Бек добавил, что теперь их больше нет, так как светотень и объем всей работы были полностью изменены. Бек также выразил опасения по поводу непоправимых и непредвиденных повреждений и изменений, которым могло подвергнуться полотно из-за применения непроверенных растворителей

и акрилового герметика. Сокрушаясь о бесцеремонности современных методов, автор вспоминает о безвредных, но ушедших от нас техниках реставрации, например об очистке фресок хлебом, смоченным в вине. Бек также напоминает, что реставрация Сикстинской капеллы — это не первая попытка восстановить ее первоизданный образ [Shulman 1994; Beck 1987].

В прошлом люди уже подправляли фрески Микеланджело. Их периодически чистили, а всего через 23 года после того, как мастер закончил работу, поверх чресл обнаженных фигур были «благоразумно» добавлены набедренные повязки. Современные реставраторы вернули героям фрески изначальную наготу. Но остается множество вопросов относительно реставрационной этики. Что ценнее — утративший краски оригинал или качественная репродукция? Подлежат ли удалению любые элементы, дефекты и нововведения, не входившие в задумку автора, или же стоит оставить их до тех пор, *пока* новые технологии *не* смогут обеспечить более точный и надежный реставрационный процесс? Современные галогенные лампы — приемлемая замена средневековым масляным светильникам?

Споры вокруг Сикстинской капеллы находят отражение и в другой сфере реставрации — экологической. Во время своей деятельности экологи-реставраторы сталкиваются с подобными (и не менее сложными) вопросами. Это то, что иногда называют дилеммой Сикстинской капеллы: реставраторы задаются вопросом, в какой степени можно возвращать природным системам их первоначальные формы. Возможно ли восстановить высокотравные прерии на сельскохозяйственных угодьях, где уже больше 100 лет выращивают кукурузу и люцерну? Вернуть тропические леса на места, которые подсечно-огневым путем были превращены в банановые плантации? Возобновить ежегодную миграцию лосося и воссоздать условия для его жизнедеятельности в запруженных, загрязненных водах?

Философ-эколог П. Лосин утверждает, что и Сикстинскую капеллу, и природные системы лучше подвергнуть реставрации, чем допустить их дальнейшее разрушение, признавая при этом, что никакой реставрационный проект не может добиться иде-

альных результатов. По мнению философа, экореставраторы, как и их коллеги из мира живописи и архитектуры, должны сперва обозначить приемлемую конечную точку своей деятельности, отталкиваясь от которой, необходимо выбирать подходящие методы [Losin 1996]. Коллега Лосина — Р. Меллон — предупреждает, что природные системы по своей сути комплексны и более сложны, чем здания или произведения искусства [Mellon 1997], поэтому экореставрация представляет собой даже более трудоемкий процесс, чем реставрация продуктов человеческой деятельности [Losin 1988].

Еще одна проблема с аналогией между Сикстинской капеллой и природными системами заключается в том, что произведения искусства обычно создаются одним или несколькими художниками за несколько дней или лет. Природные ландшафты же формируются в течение веков или тысячелетий усилиями бесчисленных естественных сил. Более того, для экологов-реставраторов функция часто важнее формы. Скажем, их интересует не столько определенный прежний вид степной травы, сколько ее способность удерживать влагу и предотвращать эрозию почв. Когда речь заходит о сильно поврежденных участках местности, таких как угольные разрезы или свалки токсичных отходов, землеустроитель может принять решение восстановить лишь элементы, необходимые для жизнедеятельности самых рудиментарных форм растительного и животного мира. Экореставраторы стремятся перезапустить естественные процессы, которые происходят внутри необыкновенно сложных систем, включающих в себя растения, насекомых, воду, почву и солнечный свет. Даже при наличии консенсуса биологов по поводу изначальных природных условий внутри определенной экосистемы реконструкция божественного творения в первозданных рамках — это очень нелегкая задача [Higgs 1991; Jordan, Gilpin 1987].

Она становится еще сложнее и все больше отдаляется от аналогий с миром искусства, если имеется несколько интерпретаций того, что такое природа и как должна выглядеть ее идеальная реконструкция. Общество экологической реставрации (организация, основанная в 1988 году и действовавшая преимущественно

но в Северной Америке) изначально заявляло своей целью воссоздание тех природных условий, в которых до прибытия европейских поселенцев жили коренные народы Америки. Однако вскоре стало очевидно, что этим условиям трудно дать определение и их часто невозможно исторически обосновать. Например, почему для реставраторов целевой датой должен быть 1492 год, а не 1792-й? Или не 25-тысячный год до нашей эры, когда в Америке еще не появились *Homo sapiens*? Когда европейцы стали пополнять ряды организации, впоследствии ставшей Международным обществом экологической реставрации, рассуждения о неких доколониальных условиях и вовсе потеряли всякий смысл. История интенсивного заселения других континентов человечеством гораздо длиннее, и определить, какие природные условия царили в доисторическом Старом Свете, часто просто невозможно. В 1995 году упоминания о коренных народах пропали из устава организации. Реставрация теперь определялась как процесс обновления и поддержания здоровья экосистемы. Пользуясь этим новым определением, американцы и европейцы могли заняться восстановлением своих любимых природных зон: американцы отдавали предпочтение дикой местности, а европейцы — пасторальным сельским пейзажам. Хотя с той и другой стороны Атлантического океана можно найти «диссидентов». Так, многие финны и шотландцы мечтают вернуть дикость северным лесам своих стран, в то время как жители американской Новой Англии предпочли бы навести порядок в своей сельской местности. Пытаясь привести природу в соответствие с идеальным видением, реставраторы автоматически берут устоявшиеся представления о пейзажах прошлого и роли человека в их формировании. Для того, кто берется за реставрацию природы, основное значение имеют наши представления об истории.

С какой средой мы ни работали бы, реставрация всегда проводится с оглядкой на прошлое. Реставратор видит перед собой достойное прошлое, уступающее ему настоящее и обещающее будущее. Принимая как данность то, что время играет решающую роль в создании и разрушении ландшафтов, реставраторы пользуются историей как для определения необходимости

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru